

Москва
МХАТ им. Чехова

18.12.98

СКУ

КАК ПИСАТЬ О ТЕАТРЕ

Ирина Васильева
-1998, 18.12.98, с.10

Находясь при замочной скважине, не следует лазить на крышу

Константин Щербаков

Я ДОЛГО и упорно не хотел писать эту заметку. И тогда, когда, рецензируя спектакль Олега Ефремова «Три сестры», г-жа Райкина рассуждала о кинематографе, с ее точки зрения, реплика Кузлыгина «на нечестивых», тогда как реплика этой у Чехова нет, а есть прямо противоположное: «...я счастлива...», «...я доволен...». Ну не воспринимала на слух, а заглянуть в пьесу из-за крайней занятости сочинением статей об искусстве недосуд было — при нынешнем состоянии газетной критики и не такое случается.

И тогда, когда тот же автор накануне семидесятилетия Олега Ефремова много усилий положила на то, чтобы дурной поступок сына юбилера (в глубоком смысле, а не от момента совершеннолетия) отразился в глазах читателей знаменательное событие отечественного театра, какими по творческой и человеческой справедливости должно было стать — и стало! — честное и являющееся аргументом и режиссера. Ныне вокруг фигур такого масштаба постоянно какие-то игры, нет охоты в них разбираться.

Не хотел писать заметку прежде всего потому, что печаталось все это в «МК», газете, в которой я начинал, которой многим обязан и которой по-прежнему дорожу. Однако по прочтении двух последних фундаментальных сочинений г-жи Райкиной — «Хроника пикирующей чайки» и «Амур запутался в кулисах» — пересилил себя. Попробую объяснить почему.

В обширном тексте «Амур запутался в кулисах» некий газетчик, имевший «множество ролянов с актрисами» и «пожелавший остаться неизвестным», признался г-же Райкиной: «Интерес ко мне у актрис пропадал, как только из меня они откапывали все что можно». Собственно, все сочинение — это широкий и свободный взгляд, устремленный в постели популярных людей театра, — здравствующих и тех, кого среди нас уже нет. Приемлемое удовольствие «пожелать остаться неизвестным», кроме вышеприведенного случая, решительно отсутствует. Интерес, кто из значительных людей, кто из кого откапывал и при каких обстоятельствах, — существовать и еще долго будет существовать. И пока наши издания согласны поддерживать свои тиражи, идя навстречу этому интересу, должны адекватно при замочной скважине никогда не будет закатной. И если, к примеру, Юрий Петрович Любимов не против того, чтобы пикантные по-

Трибуна писателя

дробности его брачных и небрачных отношений обсуждались на страницах газет, если он не против того, чтобы читать о себе: «Его никто не видел с цветами, подарками, а преимущественно с женой», — тогда пускай, почему нет. Правда, и, честно говоря, совсем не уверен, что он не против, но тут у мастера есть полная возможность адекватно реагировать на прочитанное. Такой возможности нету, однако, у Рубена Николаевича Симонова, у Юрия Александровича Заваского, которые под пером г-жи Райкиной предстают в своих любовных увлечениях людьми мелкими и не вполне порядочными. В этом случае хотелось бы заметить, обращаясь к вытанговым, к моссетовским уважаемым коллегам, вы не хуже меня знаете, что за кулисами не всегда чисто и что грязь любостылющий корреспондент непременно поберет, только лучший ли это способ уборки помещений?

Театральные байки, на фантазии ли основанные, на реальности ли, при этом не лишние даже элементы сказочности, случается, звучат забавно и вовсе не пошло, но только тогда, когда исполняются их озабоченными создателями или способными, наблюдательными драмжурналистами, знающими материал интуитивно. И свойство это — отсутствие пошлости — ничтожно утрачивается, если единственный материал становится достоянием посторонних лиц, к предмету фантазий и шуток отношения не имеющих. Но это — реплика в сторону. Желющие слушать из седьмых уст повествования о разнузданности, творящихся в художественных сферах, повторю, найдутся всегда, как всегда найдутся журналисты, готовые на это желание откликнуться. Есть спрос — есть предложение. Я о другом. «Не путайтесь с артистками» — под этим лозунгом процвел журнал «Станиславского» — пишет корреспондент «МК». Видимо, искренне полагая, что усвоила жизненное пре-

доло великого реформатора сцены, прямо и открыто в своей лозунговости, г-жа Райкина в другом своем обширном тексте «Хроника пикирующей чайки», несколько более раннем, предпринимает исследование истории и современности Художественного театра.

Информация, предложенная им читателям «МК», отличается своеобразием и целенаправленностью — при том, что реальным фактам в основном не противоречит. Из ее статьи можно узнать, сколько стояло в МХАТ, по выражению автора, «важное место» на галерке, почему ходили среди поклонников носки Качалова, а также то, что в свое время МХАТ набирал «чужих» по России, что его популярность тогда «абсолютно лишена признаков дешевой поповости» и что нынешний «МХАТ не тот, что был, когда рулили К.С. и Ва.И.» (Правда, в другом месте автор утверждает, что «Станиславский первым создал традиционную систему МХАТ...» Кто был автором, третий и где в момент создания находился Ва.И. — не уточняется.) Еще — что между К.С. и Ва.И. случались конфликты, что артисты не принимали «систему» и были при этом людскими несемлами, любящих, к примеру, капустники. Про капустники и несемлы г-же Райкиной рассказывает профессор РАТИ Людмила Тяжикова. Я очень уважаю профессора, однако не очень понимаю, почему капустники в МХАТ не было расширять своей круготворимости так сплоско, а не открыть, к примеру, книгу Станиславского «Моя жизнь в искусстве» — там все написано (Впрочем, мы уже могли убедиться, что в чужие уши г-жи Райкиной переболел).

Сориентированный в обшуренной на читателя лавине спелостей, хочется задать вопрос из асо спектаклисту — как? К.С. и Ва.И. не только ведь сорились, но и ставили что-то Чехова, Горького, Толстого, как-никак, еще некоторые. И артисты — не только ненавидели «систему» и несемлы на капустниках, случалось у них иное времяпрепровождение. В статье, приуроченной к столетию театра, про все это, про реальную его историю, в высшей степени драматическую, — ничего. Решительно.

Нонсенс, конечно, но если задуматься — вполне объяснимый. Я не собираюсь пилить г-жу Райкину, но что она понимает так, как пишет. Если подборка лексикона привит байка на телеэкране, проливает в коридоры власти, привносит менаж с лексикой пещерно-бурбуретической, — чего требовать от журналиста молодежной галстук? Театром рулили, партия — наш рулевой, все едино, стеснялся нечего, если иные способы набирать очки недоступны. Только пребывая в незнакомом мире «карденнских» носков, можно сказать, что г-жа Райкина (зловещко) интуитивно почувствовала — и не рискнула заявлять в «МК». Если так — что делать и что есть. Единственное, что не надо было — вообще касаться темы Московского Художественного театра, оторваться от своего разговора.

Впрочем, перейдя к современности, автор «МК» не удержался и проблем творческих, сосредоточившись на разделении МХАТА, случившемся в 1987 году «Отныне основатели, хотя и не разговаривали годами... но в жизни не додумались до такой вероломной глупости, буквально расперло театр, нависла угроза распада МХАТ. Немирзинов, Дамченко» Правильно, не додумались. Однако додумались до того, что было создано пять студий Художественного театра (четыре драматические, одна музыкальная), и эти административно-творческие процессы вовсе не были идеальными-безобидными. (Почитайте хотя бы письма Станиславского, недавно опубликованные в «Известиях».) Я сейчас не обсуждаю, правильными или нет было разделение 87-го года, хочу сказать только: для того чтобы судить о нем, надо хотеть что-то знать. Но нет, и здесь ничего — кроме того, что около театра. Кроме все тех же «признаков дешевой поповости».

Если о капустниках, о «Летучей мыши» г-жа Райкина пишет со слов профессора РАТИ, то о нынешних буднях МХАТА имени Чехова и МХАТа имени Горького — исключительно опираясь на рассказы некоторых «раб-бютиков», «одной актрисы» в атмосфере окантаторальных преследов автор «МК» чувствует себя порадо увереннее, что свое, раннее: кто с кем пил, кто с кем в лифте катался. Это вам не корпеть над юнигами. И здесь хотелось бы высказать одно соображение обобщего свойства. Есть категория журналистов, которые всерьез считают, что, покорно распишешь слабость известного человека (писателя, дескать, или неразборчива в интимных связях), они тем самым к известности и славе какими-то боком приобщаются. Заблуждение. Рядом со знаменитым, уважаемым человеком они как личности все равно окажутся неразличимы, даже если за всю оставшуюся жизнь не примут ни капли спиртного. Возможно, это жестокая логика, но неуловимых и в общем-то справедливых.

Разбираемый случай представляет собой раз журналиста в прозрачном и чистом виде, лишенном каких-либо примесей, в совершенном, а бы сказала, выражении. Только по этой причине и стоило однажды его разобрать. Образцы всегда заслуживают внимания.

P.S. Как сообщает сама г-жа Райкина, соответствующие размышления об искусстве и жизни родились тогда, когда стояла она на мхатовской крыше. Онутия «себя сразу «трем» сестрам», журналистка решила, по своему обыкновению, привести цитату из Чехова: «В Москву, в Москву! Работать, работать!» В «Трех сестрах» есть такие слова — в разных актах, разных смысловых контекстах, но реплика такой мету. Приблизительно воспроизвести услышанное со сцены — не значит цитировать. Писку «Три сестры» корреспондент «МК» так и не прочла.

P.P.S. А незачем и узнал, что г-жу Райкину не пустили в один из московских театров. Что ж, на избранном попрание и такого рода мелким неприятностям (указали на дверь, не подали руки) следует быть готовой. Хотя справедливости ради замечу: на сегодня это редкость, и опасаться особенно нечего. После статьи про аура и куансы прошло довольно много времени. Кто-нибудь из тех, чьи главами оозеривались массовыми тиражами, за территориальность своей личной кровити вступился? Да вроде бы нет. Не говоря уже о кроватях учителей и предшественников. Так что, получается, можно Двери распахнуть. Даже замочной скважиной пользоваться не надо.

Константин Александрович Щербаков — журналист и кинокритик, заместитель председателя Конфедерации советских кинематографистов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Петр Великий и Москва